

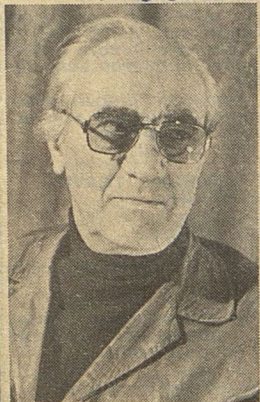
извл. Москва, 1976, 21 мая

Главный режиссер

В С Я М О Я Ж И З Н Ь

Б. ПОКРОВСКИЙ,

народный артист СССР, лауреат
Государственных премий СССР,
профессор

БОЛЬШОЙ театр я знал всегда. Из далеких и смутных воспоминаний проявляются подробные и ясные впечатления от зрительного зала, переполненного людьми в солдатских шинелях, кожанках, бушлатах, заношенных старомодных шубах. Сидели везде, даже на барьерах лож; восторжались всем, даже вдруг гаснущей люстрой. Шумно удивлялись дирижеру в странном фраке, благоговейно замолкали при первых звуках оркестра.

На сцене появлялась балерина в «пачке» — начиналось искусство новое, неведанное, великое. Благоговейная тишина прерывалась восторженной овацией, криками: «Еще!» Искусство Большого театра стало выполнять свою новую историческую функцию — служить народу.

Жизнь Большого театра двадцатых — тридцатых годов памятна мне.

В Политехническом музее диспут: «Нужен ли Большой театр пролетариату?». А в театре — «Лозенгрин» Собинова, «Травиата» Неждановой, «Любовь к трем апельсинам» Коутса и Голованова

в присутствии Прокофьева. Открытие образа народа в «Борисе Годунове» Лосским, существенная его поправка к редакции Римского-Корсакова — включение сцены Василия Блаженного, появление Юродивого — Козловского. Первые попытки создать советский спектакль: «Вышка Октября», «Степан Разин», «Иван-солдат», «Тупейный художник», «Загмук»...

Я не только «объедался» искусством Большого театра, но, насколько возможно, влезал в его быт. Мне доставляло радость проникать на пробы артистов. На экзаменах по фортепьяно парафраз Листа на тему «Риголетто» предпочитал его этюдам или рапсодиям, а с премьеры «Отелло» спешил в ночную смену к своему «автоклаву» на дорхим-заводе...

Так, с Большим театром в сердце учился в ГИТИСе, работал в г. Горьком. Пока в 1943 году не был приглашен в Большой театр режиссером-постановщиком. Пришел в него, как в свой дом. Без удивления, но с радостью.

Кем бы я был без Большого театра? Вероятно, оперным режис-

сером, но и это было бы определением Большого театра.

Требую к себе внимания и заботы, тревожа и радуя, Большой театр легко подчиняется малейшему движению штурвала, но... если оно соответствует художественно-общественным тенденциям, заложенным в его творчестве истари, утвержденным, проверенным временем, вечно движущимся по определенному традициям направлению. Никаких иных, чужих принципов и сторонних «влияний» он не приемлет, и усилия здесь тщетны и безрасудны. Все три десятка с лишним поставленных мною в Большом театре спектаклей — наглядная этому иллюстрация.

Художественная правда — образное отражение жизни общества, человека, развитие его характера, музыкальная одухотворенность конкретной действительности, национальный дух искусства, заключенный во всем облике его и каждой интонации составной его части, партийность и народность искусства — все это есть гармония этических и эстетических принципов творчества Большого театра.

Мы служим повседневности Большого театра, обогащаясь сами. Наше творческое кредо воспитано Большим театром, его прошлым и настоящим, и я твердо знаю, что его будущее закладывается сейчас каждым из нас, каждый день.

Что мне дал Большой театр? Все. Что входит в это «все», объяснить трудно. Я знал Собинова, общался с Неждановой. Работал с Самосудом, Пазовским, Головановым, Мелик-Пашаевым... Репетировал с Баровой, Рейзенем, Макаковой, Пироговым, Лемешевым, Михайловым, Козловским, Давыдовой, Нэлдепом... Ставил спектакли с Федоровским, Дмитриевым, Вильямсом, Рындинным... Разве этого мало, чтобы представить себе «мои университеты»?